

О СЧАСТЬЕ РАБСТВА

Барбадосский бунт

Странный и кровавый бунт произошел в 1838 году на мирном острове Барбадос. Около двух сотен негров, мужчин и женщин, недавно освобожденных мартовским актом, пришли однажды утром к своему бывшему хозяину, некоему Гленелю. Они пришли умолять его взять их назад в рабство. Они прочитали наказания, переписанные для них пастором-анабаптистом. Потом завязался спор. То ли робость, то ли угрызения совести, то ли просто страх перед законами помешали Гленелю внять голосу бывших рабов. Тогда они после жестоких избиений убили его вместе со всей семьей. В тот же вечер негры вернулись в свои хижины, к обычным работам, к обычным разговорам, к исполнению обычных обрядов. Стараниями губернатора острова Макгрегора дело Гленеля было замято, процесс освобождения рабов продолжался. Что же касается записей их наказов, они так никогда и не были обнаружены.

Иногда я задумываюсь над этими собранными пастором записками. Очень похоже, что наряду со справедливыми требованиями об организации «рабочих домов» (workhouse), о замене плетей заключением в карцер, об отмене запрета на прогулы по болезни для «подручных» (так назывались новые, свободные работники) эти записки представляли собой апологию рабства. Там, к примеру, могло говориться, что рабство одного означает свободу для другого. Вряд ли кто-нибудь порадуется свободе дышать, он ее и не заметит. Но если я свободен играть на банджо до двух часов ночи, то мой сосед теряет свободу не слушать мою игру до тех же двух часов. Если мне удалось добиться свободы ничего не делать, то моему соседу придется работать за двоих. Известно, впрочем, что ничем не ограниченная воля к свободе ведет в нашем мире зачастую к таким же ничем не ограниченным войнам и конфликтам. Прибавьте к этому, что рабу предназначено самими законами диалектики стать, в свою очередь, господином, а бороться с законами природы, согласитесь, бессмысленно. Прибавьте, наконец, и то, что есть некоторое величие и даже удовлетворение в том, чтобы отдаться на волю другого (как это происходит с влюбленными и философами-мистиками) и увидеть себя — наконец-то! — избавленным от собственных наслаждений, приязней, комплексов. Словом, эта маленькая тетрабочка барбадосских нака-

зов и сегодня, так же как и сто двадцать лет тому назад, представляет собой ересь: это опасная книга. Но здесь речь пойдет о другой разновидности опасных книг. Речь пойдет об эротических книгах.

I. — Решительно, как в письме

Впрочем, зачем же определять эротические книги как опасные? Это, по крайней мере, неосторожно, ведь в этом случае они начинают притягивать к себе читателя. Мы обычно кажемся себе очень храбрыми, и нас тянет прочитать опасные книги, тянет к опасности. Не напрасно географические общества советуют своим членам воздерживаться во время путешествий от некоторых опасных маршрутов. Дело не в осторожности, это всегда попытка удержать их от соблазна подвергнуть себя риску (мы знаем, как охотно идут, например, на риск развязывания войны). Так каковы же эти опасности?

Есть по меньшей мере одна, которую я хорошо вижу со своего наблюдательного поста. Опасность не очень серьезная. «История О» — одна из тех книг, которые оставляют свой знак на читателе. Читатель подобной книги расстанется с нею не совсем таким или совсем не таким, каким он с нею встретился. Любопытно, что и книги подвергаются влиянию и изменению — через несколько лет они становятся

другими книгами. Их первые глубокомысленные критики довольно быстро покажутся несколько простоватыми. Что ж, тем хуже: критика никогда не должна останавливать боязнь показаться смешным. В таком случае проще всего признаться, что я здесь мало что понимаю. Мне забавно вступать в мир «Истории О», я вступаю в него как в волшебную сказку, ведь волшебные сказки — это своего рода эротические романы для детей, вступаю в один из тех заколдованных замков, который кажется навсегда покинутым. Однако чехлы кресел, пуфы, кровати под балдахинном чисты и прибраны, хлысты и плети можно хоть сейчас пустить в дело; впрочем, хлысты и плети готовы к делу, если можно так выразиться, по самой своей природе. На цепях нет и намека на ржавчину, ни одна плитка пола не затуманена испарениями. Если есть слово, которое прежде всего приходит на ум, когда я думаю об «О», то это слово «благопристойность». Крайне трудно было бы мне доказать справедливость этого слова. Что ж, я и не буду доказывать.

А еще этот ветер, неустанно дышащий ветер, который проносится по всем комнатам. И так же неустанно, как ветер, дышит в «О» некий могучий, чистый, беспримесный ум. Это ум решительный, его ничто не останавливает, ничто не смущает, он не вздыхает перед ужасами и не впадает в тошнотворный экстаз. Признаться, у меня несколько иной вкус: мне нравятся ве-

О СЧАСТЬЕ РАБСТВА

щи, в которых автор не столь решителен, где он колеблется, где мы видим, в какие трудные ситуации заводит его сюжет, видим, что ему приходится сомневаться, сумеет ли он с честью выбраться из всех затруднений. Но «История О» с начала до конца создается словно в озарении. Это скорее речь, а не простое словоизлияние, письмо, а не дневник. Кому адресовано это письмо? Кого хочет убедить эта речь? Кому можно задать эти вопросы? Ведь я даже не знаю, автор, кто вы.

В том, что вы женщина, я почти не сомневаюсь. И не потому, что вы наслаждаетесь, описывая платья из зеленого атласа, корсеты, юбки, задираемые постепенно (так прядь волос наматывается на бигуди). Ваш пол мне подсказало совсем другое: в день, когда Рене готовится подвергнуть О новым мучениям, она замечает, что его домашние туфли износились, надобно купить новые. Это невысказано: ни одному мужчине такое не пришло бы в голову. Во всяком случае он не осмелился бы это сказать.

О выражает, по-своему, конечно, мужественный идеал. Мужественный или по крайней мере мужской. Обратите внимание: женщина признается! Признается в чем? В том, в чем женщина во все времена и особенно в наше время никогда не признавалась. В том, в чем их всегда упрекали мужчины: в том, что они слишком слушают голос своей крови, в том,

что в них все подчинено полу, даже разум. Они нуждаются в том, чтобы их постоянно содержали, кормили, мыли, наряжали, украшали и били. Им необходим хороший хозяин, который бы поостерегся быть добрым; как только мы проявим хоть чуть-чуть нежности, они используют все свои средства, все свое умение увлекать, всю свою непосредственность, все обаяние, чтобы заставить нас полюбить их. Словом, когда идешь к женщине — бери плетку. Не много сыщется мужчин, которые не мечтали бы обладать Жюстиной. Но нет женщины, насколько мне известно, которая мечтала быть Жюстиной. Во всяком случае никто не станет мечтать об этом вслух, гордясь своими причитаниями и слезами, своей покорностью насилию, с таким аппетитом, с такой жаждой страдания до разрыва, до распада, до гибели. В женщине, способной на такое, таится рыцарь-крестоносец. Словно в вас существуют две натуры, или же тот, кому вы писали это письмо, постоянно был рядом с вами и вы переняли его вкусы и заговорили его голосом. Женщина — да, но какая? И кто же вы все-таки?

Во всяком случае «История О» пришла издалека. При чтении ее во мне возникает ощущение какого-то периода бездеятельности, словно бы пространство рассказа было спрячено долгое время во мраке, а потом автор вдруг раскрыл его, зажег над ним свет, сделал его

видимым. Так кто же она, Полин Реаж? Может быть, всего-навсего обычная мечтательница, каких много (слушай свое сердце, говорят они, его никто не остановит). Или она дама с опытом, прошедшая через все это? Прошла и удивляется, почему это приключение, которое так хорошо началось — или, по крайней мере, так серьезно: с аскезы и воздаяния, — вдруг обернулось так плохо и закончилось каким-то сомнительным удовлетворением, ведь мы согласны в том, что О остается в этом закрытом заведении, куда привела ее любовь. Она остается там и чувствует себя недурно. Однако по этому поводу:

II. — Беспощадная благопристойность

Даже меня такой конец удивляет. Вы не заставите меня согласиться, что это настоящий конец. Что, так сказать, на самом деле ваша героиня добивается от сэра Стивена, чтобы он привел ее к смерти, что он снимет с нее железа только с мертвой. Очевидно, что сказано не все и эта пчела — я говорю о Полин Реаж — оставила для себя часть своего меда. Кто знает, может быть, в этот единственный раз она поддалась обычному писательскому соблазну, а не написать ли за несколько дней продолжение приключений О. Этот конец столь очевиден, что не стоило бы никакого труда написать его. Мы угадываем его совсем легко, без всяких

усилий. Он словно сам просится нам в руки. Но вы, автор, как вы его придумали? Где разгадка этого приключения? Возвращаясь туда, я уверен, что найду ее, и все пуфы, кровати с балдахинами и цепи будут объяснены, и мы увидим, как среди них бродит эта мрачная фигура, этот призрак-злоумышленник, полный темных желаний, каких-то чуждых дыханий.

Вот и приходится подумать, что в мужском желании есть что-то чужое, как бы исходящее извне. Бывают такие камни, внутри которых будто дует ветер, которые однажды начинают двигаться, издавать звуки, похожие на вздохи, а то и на игру на мандолине. Люди издалика идут посмотреть на них. Однако первое желание при их виде — бежать от них, спастись, но притягивает музыка. Не так ли и эротические (опасные, если угодно) книги притягивают, будто могут что-то объяснить, успокоить нас на манер исповедника. Я хорошо знаю, что к этому обычно привыкаешь. Мужчины — они не так уж долго пребывают в затруднении, потом они примиряются с неизбежным и даже заявляют, что они сами это начали. Они лгут, а факты, если можно так выразиться, налицо, очевидные, слишком очевидные.

Мне возразят, что то же самое и с женщинами. Конечно, но у женщин это как-то не столь явно. Они всегда могут сказать, что нет, ничего нет. Как это благопристойно! Вот откуда идет мнение, что женский пол — это пре-

красный пол, что красота по своей природе женственна. В том, что женщины прекраснее мужчин, я не уверен. Но они во всяком случае более сдержанны, меньше раскрываются, и в этом, разумеется, один из образов красоты. Вот уже второй раз я употребляю слово «благопристойность», говоря о книге, в которой такое понятие совершенно неуместно...

Но так ли это на самом деле? Действительно ли вопрос о благопристойности снят? Я не говорю о той пошлой и лживой благопристойности, которая довольствуется тем, что обманывает и самое себя: бежит от движущегося камня, а потом утверждает, что камень не двигался. Но есть другая благопристойность: немолчаливая, скорая на расправу, всегда готовая карать. Она смиряет плоть настолько, что возвращает ей первобытную цельность, заставляет вернуться в те дни, когда желание еще не объявляло о себе и камни еще не пели. Опасно оказаться в руках такой благопристойности: менее всего она может удовлетвориться связанными за спиной руками, раздвинутыми коленями, распятым телом, а потом и слезами.

Может показаться, что я говорю ужасные вещи. Возможно, но ведь ужас — это насущный хлеб нашего существования, и опасные книги — это просто такие книги, которые возвращают нас к естественной жизни и естественной опасности. Какой влюбленный не испугался бы своих слов, полностью отдавая себе

отчет в том, что он делает, клянясь быть верным на всю жизнь? Какая влюбленная способна хоть на секунду оценить само собой говорящиеся слова: «Я никого до тебя не любила... никто так не волновал меня, как ты»? Или другие, еще более продуманные — продуманные ли? «Я должна наказать себя за то, что была счастлива до встречи с тобой». Поймаем ее на слове. Это то, что нам нужно, пусть она служением оправдает эти слова.

Мучений и мучительств в «Истории О» предостаточно. Предостаточно ударов плетью, клеймения раскаленным железом, не говоря уж об ошейниках и выставлении напоказ на террасах. Здесь столько же пыток, сколько молитв в жизни отшельника, спасающегося в пустыне. Эти пытки тщательно продуманы, и даже как будто им составлен реестр, и они отделены друг от друга счетными камешками. Далеко не всегда эти истязания доставляют удовольствие истязателям: Рене отказывается кое-что исполнять, а сэр Стивен если и соглашается, то скорее из чувства долга. Во всяком случае ясно, что это не слишком-то радует их. Они ни в коей мере не садисты. Все происходит так, словно сама О с самого начала требует, чтобы ее наказывали, насиловали во все время своего заточения.

Здесь как-то глупо говорить о мазохизме. Тот, кто это сделает, прибавит к подлинной

тайне книги тайну ложную, тайну языка. Что значит мазохизм? Что боль — это удовольствие, страдание радости, так сказать?

Возможно. Это одно из расхожих утверждений метафизиков. Они еще любят повторять, что всякое присутствие — это отсутствие, как всякое словоумолчание, я всего этого не отрицаю, хотя и не всегда понимаю, что они хотят сказать. Эти слова, безусловно, имеют свой смысл и, вероятно, приносят пользу. Но эта польза не отменяет, однако, нашего нового пристального наблюдения, и оно не будет наблюдением ни врача, ни психолога, ни тем более глупца. Мне опять возразят, речь идет о боли, которую мазохист умеет превратить в удовольствие, о страдании, из которого он непостижимым способом умеет извлечь чистую радость.

Вот это новость! Люди обрели наконец то, что они так прилежно искали в медицине, морали, философии и религиях: средство избежать боли или, по крайней мере, понимание того, как это сделать (источник этого — наши глупости или ошибки?). Вероятно также, они нашли его вовремя и отныне на все времена. Стоит напомнить, что мазохисты появились не вчера. Почему же тогда мазохистам, раз они такие умные, не были возданы почести, почему до сих пор не раскрыли для всех их секрет? Почему их не собрали во дворце всех вместе, чтобы лучше изучить, заточив в клетки?

Содержание

<i>Жан Полан. О счастье рабства</i> <i>Перевод О. Тимашевой</i>	5
--	---

ИСТОРИЯ О

Перевод Е. Храмова

I. Любовники в Руасси	27
II. Сэр Стивен	89
III. Анн-Мари и кольца	178
IV. Сова	241
<i>Саша Мороз. Под покровом нуля</i>	277